

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

МЕТОДЫ ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

© 2018 г. А.Г. Данилова^{21*}

*ВИНИТИ РАН, Москва;

e-mail: a_g_danilova@mail.ru

Почтовый адрес: Москва, 125190, ул. Усиевича, д. 20, Россия

Аннотация. Рассмотрены наиболее широко используемые методы изучения психических феноменов культур прошлого, разработанные в рамках исторической психологии, общей и социальной психологии, а также истории и культурной антропологии. Методологическая мысль может двигаться в направлении описания культурно специфичных или общих для разных культур феноменов сознания, а также выделения культурно специфичных или общих для разных культур критериев оценки ментальности, образной структуры, ценностных ориентаций или характеристик личностной репрезентации. Рассмотрены некоторые методологические проблемы и результаты контроля смещений.

Ключевые слова: историческая психология, методология, герменевтика, психосемантика

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «историческая психология» ввел французский психолог И. Мейерсон в 1948 году для обозначения специальной научной дисциплины, изучающей психику человека в конкретно-исторических условиях, изменение психического склада личности в процессе социального развития.

²¹Старший научный сотрудник.

Современные отечественные авторы определяют ее как область знания, направленную на изучение «психологического склада отдельных исторических эпох, а также изменений психики и личности человека в специальном культурном макровремени, именуемом историей» (Шкуратов, 1997, с. 15); как науку, выявляющую «зависимости между историческими и психологическими феноменами и описывающую закономерности формирования личности как объекта и субъекта исторического процесса» (Боброва, 1997, с. 5); как «интегральную отрасль гуманитарного знания, которая изучает эволюцию умонастроений и поведения людей, нравов, обычаев и традиций людей.. в историческом времени и пространстве» (Историческая психология..., 2004, с. 69); как «комплексную научную дисциплину, формирующуюся на стыке психологии с историей и взаимодействующую с целым рядом областей знания: культурологией. В.А. Кольцова подчеркивает, что в сферу рассмотрения исторической психологии должны входить проблемы историогенеза, становления человеческой психики и сознания, составляющие весьма важный аспект исследования.

Междисциплинарный статус исторической психологии как науки на стыке истории и психологии заставляет прогнозировать формирование двойного статуса этой науки – как отрасли психологии и самостоятельной дисциплины в рамках истории. В пределах психологического знания историческая психология также междисциплинарна. Будучи во многом связанной с историей психологии и психологии личности, она классифицируется по ГРНТИ как дисциплина, относящаяся к общей психологии. Поскольку исторический контекст предполагает особенности убеждений, установок, поведения в обществе, она функционирует в поле социальной психологии. Изучая поведение человека в зависимости от особенностей культуры в исторических обществах, принадлежащих к различным этносам и нациям, она работает в поле этнической психологии. Наконец, изучая динамику психических изменений в масштабах,

больших человеческой жизни, она становится областью генетической психологии, как ее и позиционировал И. Мейерсон (см. Историческая психология..., 2004, с. 25). Однако она изучает особый класс детерминант — исторические детерминанты формирования и изменения психики индивидуального и коллективного субъекта (там же).

В словарях историческая психология определяется как дисциплина, изучающая «психологические особенности становления познания, мировосприятия, строя личности, усвоения обычаев и ритуалов в разные эпохи и др.» (Психология. Словарь, 1990, с. 377); как отрасль психологии, изучающая «возникновение и развитие психики человечества в ходе исторического процесса, культурно-историческую обусловленность психической деятельности» (Еникеев, 2009, с. 148); как дисциплина, изучающая «общественную историю с психологической точки зрения и разрабатывающая проблему психологического (в том числе личностного) фактора в истории», дифференцируя ее от культурно-исторической психологии М. Коула — раздела культурной психологии, представляющей собой «междисциплинарный подход, объединяющий психологов, антропологов, социологов и др. представителей социальных наук, к проблемам влияния культуры на когнитивные способности, личностные черты, а также их развитие. В отличие от кросс-культурной психологии, преимущественно нацеленной на этник-черты, культурная психология демонстрирует ярко выраженную направленность на эмик-черты²²» (Большой психологический словарь, 2009, с. 305).

И словарные определения, сформулированные «извне», и определения, данные «изнутри» исторической психологии, включают термины, принадлежащие к области общей психологии («психика», «сознание», «познание», «деятельность», «картина мира», «образ»), социальной психологии («общество»,

²²«Эмики и этики (англ. *emic* и *etic*) — две группы элементов (черт) этнической культуры: к первой группе (син. эмика, эмик-черты) относятся культурно-специфические аспекты, ко второй (син. этика, этик-черты) — универсальные аспекты, общие или весьма сходные во всех культурах» (Большой психологический..., 2009 с. 759).

«социализация», «социальные группы»), психологии личности («формирование личности», «закономерности формирования», «мировосприятие», «строй личности»), этнической психологии («культура», «обычай и ритуалы», «эмик-» и «этик-черты»). Можно ожидать, что данные, полученные в рамках этих областей психологии, разработанные в них методы и методики могут быть полезны для ведения исследований в пределах исторической психологии, будучи адаптированы для анализа феноменов и явлений, составляющих предмет исторической психологии.

Объектом исторической психологии является «человек исторический», деятельный и рефлексирующий (А.А. Королев); «множество людей (отдельные личности, социальные группы) как объекты и субъекты исторического процесса (Е.Ю. Боброва). При этом основной единицей анализа являются продукты деятельности человека, представленные в памятниках культуры, содержащих «объективированное выражение субъективных характеристик их творцов — их знаний, представлений, установок, ценностей» (В.А. Кольцова).

Предмет изучения в исторической психологии определяется следующим образом:

- психологические характеристики человека в зависимости от характеристик исторической эпохи: психологические особенности человека как субъекта познания и деятельности в зависимости от исторических условий, историческое своеобразие личности в данную историческую эпоху (Боброва, 1997);
- закономерности социогенеза — «происхождения, развития высших психических функций, личности, межличностных отношений, обусловленные особенностями социализации в разных культурах и общественно-экономических формациях» (Психология. Словарь, 1990, с. 377);

- «исторические детерминанты развития психики субъекта (как индивидуального, так и коллективного); человек или группа рассматриваются здесь как носители исторических норм и ценностей» (Историческая психология..., 2004, с. 24).

Заявленное предметное поле охватывает несколько уровней анализа: личностные характеристики субъекта исследуемой эпохи; особенности деятельностной сферы и межличностных отношений; особенности социализации, определяющие специфику деятельностной сферы и межличностных отношений; факторы, определяющие направление социализации и динамику его изменений. Такая многослойность предмета исследования требует построения исследования, допускающего выход на несколько последовательных уровней обобщения.

Определяя спектр задач исторической психологии, исследователи называют:

1) Исследование закономерностей развития психики в историческую эпоху: историогенез и историческая обусловленность психики (И. Мейерсон; И.Г. Белявский; В.А. Кольцова).

2) Структурно-функциональное изучение психики на разных этапах развития человеческой цивилизации и истории: реконструкция психологических особенностей человека и социально-психологических характеристик общества, принадлежащего к конкретной культуре (В.А. Шкуратов). Среди исследований, выполненных в рамках этого подхода – анализ психологии средневекового человека (А.Я. Гуревич); исследование структуры и функциональных особенностей психики представителей древнегреческой архаической культуры по материалам гомеровского эпоса (А.Д. Барская); психологическая характеристика русского крестьянства периода Средневековья (А.Н. Артемова); исследования И.Р. Федорковой, Е.В. Харитоновой, Т. Хоанг.

3) Исследование психологических факторов исторического процесса на

разных этапах его развития. В качестве примеров таких работ называют психоаналитическое исследование предпосылок формирования фашистской идеологии В. Райха; к этому же направлению относят труды Н.И. Кареева, К.Д. Кавелина, П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, В.М. Бехтерева и др.

Столь широкий спектр задач предполагает исключительное разнообразие методологического инструментария.

Классифицируя исследования человека на стыке истории и психологии, проводимые в рамках исторической психологии, можно выделить несколько направлений:

- интерпретационистское – герменевтически-феноменологическое, продолжающее линию понимающей психологии XIX века;
- историческая реконструкция, ориентированная в основном на «новую историю» (школы «Исторического синтеза», «Анналов»), использующая методы воссоздания картин коллективной жизни отдельных эпох;
- близкие к генетизму: психологическое (французская школа И. Мейерсона – Х.-П. Вернана; «критическая психология» в ФРГ), разрабатывающее на историческом материале генезис психических процессов и структур;
- психоаналитическое – применение неопрейдизма к изучению личности и массовых движений в истории (психоистория).

Также близкие по содержанию, хотя формально не причисляемые к историко-психологическим, исследования ведутся в парадигмах структурализма и постмодернизма.

МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Несмотря на такое многообразие практикуемых приемов исследования, *проблема метода является одной из наиболее острых проблем исторической психологии* на настоящий момент.

Рассмотрим наиболее распространенные, а также новые методы, применяемые в исторической психологии и других науках для исследования психологических особенностей людей прошлого.

Школа сравнительно-исторической психологии Мейерсона исследовала мировоззрение человека путем анализа культурной продукции (мораль, право, религия, формы научного и мифологического мышления, философия, технологии и т.д.). В ФРГ историческая психология, испытывая сильное влияние традиционной философской школы, связанной, прежде всего, с Гегелем, продолжает традицию «истории духа». В США в основном развиваются историко-психологические исследования в русле неотрейдизма, получившие название «психоистории» и сосредоточенные вокруг междисциплинарного журнала «History Childhood Quarterly». Также популярна теория психологического развития личности Э. Эриксона, опирающаяся не только на клинические данные, но и на изучение исторических биографий (работы о молодом Лютере и о Ганди). В СССР в рамках культурно-исторической школы рассматривались возможности синтеза с культурно-историческими науками с целью включения в объективный метод структурно-семиотического анализа продуктов цивилизации (В.П. Зинченко, М.К. Мамардашвили). Объединение гуманитарной интерпретации и культурно-исторической теории осуществляется в работах А.Г. Асмолова и В.П. Зинченко. Историк А.Я. Гуревич, психолог Л.И. Анцыферова анализировали эволюцию и современное состояние теорий исторического развития психического склада человека, обсуждая концепции исторической психологии, возникшие на базе школы «Анналов» (Ж.-П. Вернана, Р. Мандру). В 1980-е – 1990-е годы ряд исследователей (И.Г. Белявский, В.А. Шкуратов, Е.Ю. Боброва), предложив обобщение накопленного в исторической психологии материала, уделили пристальное внимание методологическим проблемам. Лабораторией истории психологии и исторической психологии

Института психологии РАН предложен метод психолого-исторической реконструкции, операционализирующий процедуру исследования исторического культурного продукта; в рамках метода проведена серия историко-психологических исследований (В.А. Кольцова, Л.В. Спицина, А.Д. Барская и др.). Для исключения влияния на результаты исследования культурных стереотипов исследователя А.И. Серавиным предложено объединение блока методов исторической рефлексии и блока аналитических методов. Существует опыт исследования письменных источников в парадигме совмещения исторической, социологической и источниковедческой перспективы. Так, концепция взаимной социальной и этнической адаптации использована Д.С. Коньковым для объяснения логики изменения методов и приоритетов вестготов во взаимодействии с римскими институтами.

Параллельно исторической психологии вопросы культурно специфичного влияния на формирование личности рассматриваются в этнической психологии. Многие исследователи конца XIX – начала XX веков числятся основоположниками и этнической, и исторической психологии (В. Вундт, М. Лацарус и Г. Штейнталь, Э. Дюркгейм, Л. Леви-Брюль, К. Леви-Строс). Этнопсихологами разработан сравнительно-культурный подход к исследованию восприятия и мышления, наработаны методики исследования культурно специфичных личностных характеристик, ценностных систем и особенностей общения, собраны обширные базы данных.

В последнее время в рамках клинической, генетической, организационной, кросс-культурной психологии практикуется метод накопления и анализа больших массивов данных. В рамках кросс-культурной психологии таковы исследования ценностных ориентаций – Г. Хофстеде (1967–1973), Всемирное исследование ценностей WVS (World Values Survey, 1997), GLOBE (Global Leadership and Organizational Behavior Effectiveness, 1994-1997) – и личностных черт –

исследования Ш. Шварца, П. Коста, Р. МакКрэ и А. Террачиано. Ценность мультинациональных проектов заключается в получении универсальных межкультурных размерностей, позволяющих проводить сравнение между собой представителей разных обществ, что может задать систему дополнительных ориентиров для историко-психологического исследования.

В современной исторической психологии выделяются историческое и психологическое направления, ориентированные на преимущественное использование методов исторической либо психологической науки.

МЕТОДЫ «ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ» ИСТОРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Французская историческая школа «Анналов», названная так по журналу, издававшемуся с 1929 года, опирается на идею изучения жизни общества во всех ее формах и проявлениях, обращаясь к массовым явлениям. Принципиальным новшеством, введенным в историческую науку школой «Анналов», было использование для анализа не только исторических документов, но всех культурных артефактов изучаемой эпохи. Л. Февр писал: «История использует тексты – не спорю. Но – все тексты. А не только архивные документы, получившие... особую привилегию на поставку оторванным от действительности историкам всего их позитивного материала: имен, мест, дат, мест, дат, имен... А и стихи, картины, пьесы: все это тоже источники, свидетельства живой человеческой истории, пронизанные мыслью и призывом к действию» (Февр, 1991, с. 20). Внимание к внутренней жизни людей и закономерностям психических и социальных процессов людей разных эпох позволяет рассматривать школу «Анналов» как предшественницу исторической психологии.

Для определения предмета исследования было переосмыслено введенное этнологами понятие «mentalite» («склад ума», «коллективные представления», «видение мира»), в контексте изучения архаических культур используемое для акцента иррациональности, пралогичности суждений. Трактовка школы

«Анналов» сделала термин «ментальность» применимым к сознанию людей любых обществ. М. Блок и Л. Февр поставили задачу выявления мыслительных процедур, способов мировосприятия, привычек сознания, присущих людям исследуемой эпохи и не рефлекслируемых ими. Этот подход открывает доступ к более глубоким пластам сознания, тесно связанным с социальным поведением, – по словам А.Я. Гуревича, к «коллективному неосознанному» (Гуревич, 1993, с. 48). Подчеркивается, что ментальность не тождественна идеологии, не отрефлексирована и иррациональна; по-видимому, каузальная атрибуция текстов этого уровня будет содержать ссылки на мотивировки, но не на мотивы. Ментальность отражает уровень общественного сознания, на котором мысль не отчленена от эмоций и латентных привычек. Матрицу же ментальности, по Февру, составляют культура, традиция, язык, образ жизни и религиозность. В качестве объекта исследования рассматриваются представления о жизни и смерти, отношение к браку, проблемы возраста, смены поколений, а также коллективные психозы, слухи и другие проявления бессознательного (Гуревич, 1989; 1993).

В русле этого подхода выполнены труды Ж. Ле Гоффа (исследование цивилизации средневекового Запада), Ж. Дюби (изучение элиты средневекового общества), Э. Ле Руа Ладюри (исследования представлений и верований крестьян), а также работы советских исследователей А.Я. Гуревича и М.М. Бахтина (исследования народной культуры), Б.А. Романова («Люди и нравы Древней Руси»), Б.Ф. Поршнева (психика первобытного человека); близки к нему труды семиотиков Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского (культура XIX века).

Для исследования ментальностей было предложено использовать метод анализа лексики и терминологии сохранившихся письменных источников, а также комплексное изучение ритуала, символов, верований, фольклора.

Представители «новой исторической науки» критиковали метод «вживания» В. Дильтея, интуитивное постижение истории. Тем не менее, М. Блок

предложил метод диалога для изучения ментальностей: соответствующий проблеме целенаправленный поиск следов мысли и деятельности человека прошлого, формирующий «контакт» с его психикой, умственным кругозором, интересами и страстями путем использования «регрессивного» или «ретроспективного» метода, – метода восхождения от известного к неизвестному, т.е. от более изученного к менее изученному.

Ученые «новой исторической науки» широко использовали компаративный метод, при помощи которого выявляются некоторые закономерности, присущие обществам на сходных этапах развития, что позволяет обнаружить наиболее типичное, повторяющееся и закономерное. При этом Блок считает необходимым сопоставлять не изолированные факты или отдельные институты, ибо такое сопоставление может привести к ложным выводам, а целостные системы, социальные комплексы, в которые включены эти институты.

Одним из методов, предложенных школой «Анналов», является «устная история» – опросы людей, сбор воспоминаний современников исторических событий, что дает возможность сопоставить гипотезы историка с мироощущением людей прошлого. Такой материал часто выявляет несоответствие современных представлений о том, как думали люди прошлого, их реальной оценке событий (Зубкова, Куприянов, 1995).

Опираясь на теоретические построения структурной антропологии, историки «новой школы» используют понятие структуры как всеобъемлющей системы отношений в обществе, охватывающей все уровни социальной действительности. Основным (но не единственным) подходом к изучению ментальностей является синхрония. Другими методами являются анализ хронологических таблиц в рамках понятия «монолитное время событийной истории» и концепция «спектра социальных времен», включающего, как «время большой протяженности» (*la longue durabilité* – «экологическое время», время

стабильных социально-экономических структур), так и время быстрых изменений, вплоть до краткого, «нервного» времени событий. Изучение динамики ментальностей возможно при анализе периодов медленных, подспудных изменений, что, в свою очередь, требует рассмотрения больших отрезков истории (Гуревич, 1989).

Новая отрасль исторической науки — «интеллектуальная история» — исходно заявила как проблемное поле исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, ее условий, форм и результатов, уделяя особое внимание феномену исторической памяти и анализу исторических концепций и представлений о прошлом. Методология изучения социальной памяти в контексте культуры ориентирована на объединение микро- и макроподходов, что дает возможность взаимопроникновения индивидуального и социально-исторического опыта. Основоположник подхода Х. Уайт отмечает как специфику объекта исторического познания его масштабность, социокультурную ценность, запечатленность в общественной памяти и массовом сознании – события, которые можно называть «травмами». Предложен подход синтеза социокультурной и интеллектуальной истории, т.е. анализ явлений интеллектуальной сферы в широком контексте социального опыта, исторической ментальности и общих процессов духовной жизни общества, что позволяет охватить и теоретические воззрения, и идеологию, и обыденное сознание. Современная интеллектуальная история реализует подход к прошлому как к истории его понимания, рассматривая как предмет онтологию текста, а в качестве основного метода используя метакритику, предполагающую изучение соотношения авторского намерения и текста – исторического нарратива, исследование самого акта интеллектуального творения, а также роли читателя в процессе историописания и форм его участия в этом процессе и культурного контекста создания исторических и философских произведений. В технологическом плане новая

интеллектуальная история использует анализ характеристик текста, речевых конструкций и текстуальных стратегий.

Метод историко-психологической реконструкции, разрабатываемый в рамках «исторической» исторической психологии, имеет целью выделение исторически специфического общего из массива разрозненных конкретных свидетельств: «Целью... историко-психологической реконструкции является складывание из мозаики фактического материала, разрозненных психологических признаков, социологических норм, профессиональных установок картины коллективной психологии изучаемой эпохи» (Шалак, 2009, с. 110). Процесс анализа при этом включает дифференциацию общего и особенного в материале конкретного случая и рефлексию культурных позиций исследователя и исследуемого: «Важно при этом определиться с тем, что можно извлечь из понятия индивидуального, и как воспринимать, слушать человека прошлого не с установок человека XXI века, а так, как его слушали и воспринимали применительно к исследуемому периоду» (там же).

С целью комплексного анализа психологических особенностей носителей культур прошлого А.И. Серавиным предложен метод психологической реконструкции, объединяющий методы исторической рефлексии и аналитические методы, что предполагает включение в исследование материалов различного профиля: изучения культурного наследия и культурных ценностей выбранной эпохи; применение методов «исторической реконструкции» и «физиологической реконструкции» (анализ болезней, преобладающих продуктов питания и т.д.); анализ стереотипов и установок современной культуры относительно исследуемого периода; изучение методом включенного наблюдения исторически ориентированных субкультур — «ролевиков», «поединщиков». Совмещение различных парадигм позволяет охватить практически всю информацию, относящуюся к исследуемой эпохе, но ставит новую

методологическую задачу корректного сопоставления данных, полученных в русле разных методов. Обращение к исторически ориентированным субкультурам практически снимает проблему исторической психологии, заключающуюся в отсутствии непосредственного контакта с испытуемым. Серавин приводит богатый материал данных наблюдения, самонаблюдения и самоанализа. Все же реконструкция материальной стороны быта и социальных практик дает ограниченное представление об условиях социализации личности, и результаты подобных исследований следует, по-видимому, использовать с осторожностью. Парадоксально, но метод вживания обещает более объективные результаты при применении его не в психолого-аналитическом, а в историко-практическом контексте: исследователь может получить уникальные знания о длительности фехтовального поединка, длине фарсаха и т.д. (Гумилев, 1996; Серавин, 2000; URL).

В рамках исторической школы исторической психологии В.А. Луковым предложен метод тезауруса «как субъектно организованного гуманитарного знания, т.е. таким образом организованного, что оно соответствует месту и роли субъекта в окружающем мире и позволяет ему этот мир постигать, ориентироваться в нем и менять его, а заодно развивать и собственные потенциалы» (Тезаурусный анализ мировой культуры..., 2012, с. 5). Тезаурусная трактовка деятельности человека сближается с рядом современных философских, социологических, культурологических, антропологических теорий, но отличается от них организацией информации не от общего к частному, а от «своего» к «чужому». Научное знание структурирует информацию в динамическую систему связанных между собой различными предположениями (гипотезами) понятий (знаков) со сформулированными значениями, представляющую собой постоянно тестируемую объясняющую, ориентирующую и прогностическую модель действительности. Тезаурус отражает структуры сознания, наделяющие смыслом

повседневные действия индивидов и групп. Луков описывает его как «полный систематизированный состав информации (знаний) и установок» (см. Историческая психология..., 2004, с. 97). Процесс освоения культурного новшества отражается во включении связанных с ним понятий в тезаурус.

Тезаурусный подход допускает обращение к понятию концептов, предложенному семиотиком Ю.С. Степановым. Концепт определяется как «основная ячейка культуры в ментальном мире человека», «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей” – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее... В отличие от понятий в собственном смысле термина... концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений» (Степанов, 1997, с. 40). Степанов вводит понятие культурной константы – устойчиво существующего концепта, который может характеризовать формы социальных связей, ролевых статусов, идеологии и т.п. Константа рассматривается как простой и насыщенный смыслами эталон для оценки и реконструкции культурной картины мира. Источником констант выступают классические формы культуры, а также вечные образы, т.е. переходящие из произведения в произведение художественные образы – инвариантный арсенал художественного дискурса – включенные, однако, не только в пространство искусства, но (в свернутом виде, как знак, символ, мифологема) и в различные социальные практики. Выделены свойства вечных образов, обычно встречающиеся вместе:

- содержательная емкость, неисчерпаемость смыслов;
- высокая художественная, духовная ценность;
- способность преодолевать границы эпох и национальных культур, общепонятность, непреходящая актуальность;

– поливалентность – повышенная способность соединяться с другими системами образов, участвовать в различных сюжетах, вписываться в изменяющуюся обстановку, не теряя свою идентичность;

– переводимость на языки других искусств, а также языки философии, науки и т.д.;

– широкая распространенность.

Концептный подход, направленный на фиксацию культурных образцов, поддерживающих социальные устои, вносит новый аспект в понимание ценностей как разделяемых в обществе (сообществе) убеждений относительно социально желательных целей и способов их достижения (терминальные и инструментальные ценности, по М. Рокичу (Rokeach, 1973)). Ценности выступают ориентиром в социальной и культурной среде; базируясь на противопоставлении «добра» и «зла», «своего» и «чужого»; они образуют основу социокультурных предписаний и запретов (социокультурных кодов) и приобретают императивное значение, регулируя обширные зоны человеческой жизнедеятельности.

МЕТОДЫ «ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ» ИСТОРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Основным методом исследования текстов в гуманитарных науках выступает герменевтика; согласно В. Дильтею, понимание, т.е. интуитивное постижение духовной целостности личности и культуры, является специфическим методом наук о духе, в отличие от объяснения в естественных науках. «Идеалом... должно быть понимание самого явления в его однократной и исторической конкретности. При этом возможно воздействие сколь угодно большого объема общих знаний; цель же состоит не в их фиксации и расширении для более глубокого понимания общих законов развития людей, народов и государств, но, напротив, в понимании того, каковы этот человек, этот народ, это государство, каково было становление, другими словами, – как смогло получиться, что они стали такими» (Гадамер, 1988, с. 46). Таким образом, с точки зрения культурантрополога, Гадамер стоит на

позициях эмик-подхода. Герменевтический метод часто практикуется для изучения творчества и искусства, т.е. психологического анализа уникальных продуктов творческой деятельности, уникальной психической индивидуальности творца и его жизненного пути. Сложность изучаемых объектов требует ведения анализа параллельно на нескольких уровнях. Культуролог и семиотик Р. Барт выделил в анализе художественного произведения пять кодов: культурный, герменевтический, символический, семический, и проайретический (нарративный) (Барт, 1989, с. 40). Под кодами понимаются ассоциативные поля, формирующие структуру значений как определенные типы уже виденного. Согласно Барту, повествование состоит в переплетении различных кодов, организующих нюансировку смысла.

Как замечает В.А. Кольцова, эти «методы относятся скорее к искусству, целиком зависящему от интуиции автора, а не к науке, нацеленной на получение точных объективных результатов» (Кольцова, 2001, с. 383). Тем не менее, они достаточно успешно применяются в различных сферах практической психологии. В рамках герменевтической модели понимания текста могут быть использованы нарративный анализ, дискурс-анализ, интент-анализ, сентимент-анализ.

В силу высокой значимости этнокультурного фактора в политической и социальной практике, в рамках исторической психологии ведутся активные разработки в парадигме исследования ментальности (менталитета) (Историогенез и современное состояние российского менталитета, 2015; и др.).

МЕТОД ПСИХОЛОГО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

С целью операционализации исследовательской процедуры психолого-исторической реконструкции, а также установления необходимых связей между общетеоретическими положениями, касающимися воссоздания прошлого, и эмпирическими разработками, в лаборатории истории психологии и исторической психологии Института психологии РАН был разработан метод психолого-

исторической реконструкции. В отличие от интерпретативно-культурологического подхода, метод направлен на глубокий, системный анализ психики, а не на истолкование определенных фактов истории и литературных данных. Метод опирается на методологию гуманитарного знания и качественного анализа («обоснованной теории» А. Страуса, Дж. Корбина), но не исключает применения методов количественного анализа. Общая схема процедуры психолого-исторической реконструкции, предложенная В.А. Кольцовой и Л.В. Спицыной, включает основные этапы восстановления психологических реалий конкретной эпохи: формулировка психологической проблемы на основе актуальных вопросов текущей практики; подбор и обоснование наиболее операционализируемой теоретической модели; выделение и обоснование круга источников в соответствии с поставленной проблемой и заданной теоретической моделью; анализ и реконструкция отобранных источников. При этом метод не относится к числу формализованных моделей; авторы отказались от использования строго фиксированной процедуры психолого-исторической реконструкции в силу различия поставленных исследователями задач: процедура модифицируется в зависимости от характера научной проблемы и специфики изучаемого периода. Ключевой процедурой является интерпретация исторических текстов, что требует учета наработанных технологий интерпретации текстов: герменевтики (М. Хайдеггер, Г.Г. Гадамер), данных психологии интерпретации и понимания текстов (В.В. Знаков, Т.Н. Ушакова, Т.М. Дридзе). Как особенность процесса реконструкции отмечается его комплексный характер. Основой реконструкции выступает принцип взаимодействия настоящего и прошлого, современного исследователя и создателя исторического текста (Историческая психология..., 2004; Кольцова, 2001; 2008; Спицына, 1994).

А.Д. Барская, объясняя метод психолого-исторической реконструкции, подчеркивает, что задачей исторической психологии является воссоздание

особенностей отдельных черт психического склада или психики в целом людей прошлого: «Главное отличие метода психолого-исторической реконструкции состоит в понимании психики людей прошлого как целостного структурно организованного единства, подчиняющегося общепсихологическим закономерностям, и использование для исследовательских целей психологических моделей. Например, мы исследуем не то, что говорят герои, но то, как они это говорят и устанавливаем, что мыслительный процесс подчиняется основным, присущим современности, законам» (Барская, URL). Критикуя подход Барской, А.И. Серавин отмечает: «Воссоздать психику в целом людей прошлого невозможно, потому что мы с трудом определяем психику людей современности... Необходимо исследовать и то, что говорят герои, и то, как они говорят, и то, какие мы сами имеем установки, мешающие понять смысл сказанного героями прошлого» (Серавин, URL). В свою очередь, возражая Серавину, хочется подчеркнуть, что задача Барской сводилась к доказательству правомерности экстраполяции современных представлений о функционировании психики и мышления на продукцию сознания, возможно, близкого к мифологическому²³ (подобно Г. Шлиману, археологические находки которого доказали достоверность информации, содержащейся в эпосах), именно корректируя наши установки в отношении данных, получаемых на материале исторического источника.

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЕ ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Психосемантика как метод выделения ключевых категорий сознания может быть исключительно полезна для исследования бессознательных установок, психологических ориентаций и паттернов поведения носителей ментальности,

²³«Основная гипотеза исследования: восстановление психики гомеровского человека дает нам основания считать, что на заре европейской цивилизации (в самый удаленный период древнегреческой истории) мы имеем дело с принципиально сходным современному типу человеческого мировосприятия и мышления» (Барская, 1998, с. 25).

свойственной той или иной исторической эпохе. «Развитие компьютерной техники с ее возможностями хранения информации может привести к созданию мощных баз данных, построенных на основе исторических документов – формализованной и упорядоченной “исторической памяти”, представленной в форме семантических пространств, семантических сетей или иных форм репрезентации. В таком случае откроется перспектива *исторической психосемантики* – психосемантического анализа в исторической антропологии» (Петренко, 2011, с. 155–156). Основной проблемой при применении психосемантического подхода в историческом контексте является необходимость непосредственного (не в режиме рефлексии) обращения к сознанию респондентов – носителей современной ментальности. Таким образом, полученные данные характеризуют не собственно исторические события или персонажей, а их образы, существующие в современной культуре.

Тем не менее, современные исследователи практикуют использование методов психосемантики с привлечением испытуемых – наших современников в исследованиях образов исторических событий. Методологически эти исследования близки к политико-психологическим исследованиям восприятия образов и предпочтений.

В.Ф. Петренко и О.В. Митина провели лонгитюдное психосемантическое исследование динамики политического сознания россиян (1991, 1993 и 1995 годы) и образа политической и экономической реформ в сознании россиян. Сопоставление факторных пространств различных лет исследования позволило проследить изменение содержательного наполнения конструктов политического сознания. Авторы показали, что формализация в общественных науках является эвристическим средством, расширяющим операционально-аналитические ресурсы исследования (Петренко, Митина, 1997). Предметом анализа являлись представления россиян об уровне жизни в различные периоды послеоктябрьской

отечественной истории. Была обнаружена тенденция снижения разброса мнений по мере приближения оцениваемого исторического периода к текущему моменту, и выявлено сходство представлений респондентов определенных возрастных когорт. Построено семантическое пространство, включающее размерности: «политические свободы», «материальное благосостояние» и «осмысленность бытия». Исследователи не сопоставляли полученную факторную структуру с какими-либо теоретическими структурами универсальных культурных размерностей. Вместе с тем, наполнение фактора «политические свободы» включает составляющие категорий властной дистанции и индивидуализма, по Г. Хофстеде, а фактор «материальное благосостояние» соответствует по смыслу категории избегания неопределенности.

Большое, продолжающееся кросс-культурное исследование восприятия исторических фигур и событий проводится в настоящее время в рамках нарративной психологии Дж. Лью (J.-H. Liu), Д. Паез (D. Paez) и др. В этом исследовании исторические социальные представления рассматриваются как нарративы, в которых последовательность событий обеспечивает структуру, а система образов героев/злодеев формирует ингрупповую историю, отражая символический смысл событий, организующий связи прошлого и настоящего. Различные конфигурации представлений событий всемирной истории и исторических личностей в разных странах создают различные потенциалы нарративной инференции (т.е. способности к формированию выводов на основании групповых нарративов). Социально-исторические представления выступают как опорные точки внутрикультурного диалога, обеспечивающие межличностное согласие. Задачей исследования было выявление универсальных эмпирических блоков, обеспечивающих совокупные процессы интерпретации события, и операционализация социальных представлений как межличностного и межгруппового символического интерфейса (Liu, 2013).

Исследователи опрашивали студентов университетов разных стран, ибо эта социальная группа в наибольшей степени отражает институциональные тенденции, а не личный опыт относительно наиболее значимых исторических событий и личностей (Liu, Goldstein-Hawes, Hilton et al., 2005). Респонденты должны были назвать наиболее значимые исторические фигуры и самые важные исторические события за последние 1000 лет и оценить степень их влияния (позитивного или негативного) на ход всемирной истории. Опросник включал также социально-демографические характеристики испытуемых. Для каждой национальной выборки определяли список из 10 самых важных событий и 10 наиболее значимых личностей. По результатам опроса 6023 студентов из 30 стран выделена универсальная факторная структура кросс-культурного восприятия исторических событий. Полученные факторы определены как «исторические бедствия» (природные и социальные катастрофы), «исторический прогресс», «историческое сопротивление притеснению». Анализ образов исторических фигур по данным 14 стран (преимущественно западной культуры) позволил выделить два фактора: «оценка»; «гегемония Запада /сопротивление гегемонии Запада» (Liu, Sibley, 2013; Liu, Paez, Hanke, Rosa et al., 2012).

Исследователи зафиксировали европоцентричное, силовое и ориентированное на современность смещения в восприятии истории; отмечен социо-центрический уклон (склонность оценивать национальные события как мировые), более сильный в крупных странах, и эффект позитивистского смещения, предсказанный Ш. Тейлор для долгосрочной коллективной памяти. Результаты показали значительную кросс-культурную согласованность данных с сильной тенденцией к глобализованности и преобладанием исторических и культурных событий европейской истории. Чаще других как наиболее важные упоминались события, связанные с войной. С политикой и войной связаны около 70% перечисленных событий и около 60% названных исторических лиц.

Большинство перечисленных событий относятся к XIX и XX векам; испытуемые считают, что «они живут во время самого важного и инновационного периода всемирной истории» (Pennebaker, Paez, Deschamps, 2006; Taylor, 1991).

Оценка события респондентами связана с возрастным контекстом (большая важность для лиц старшего возраста холодной войны, пришедшейся на время их личностного формирования) и социальным статусом (большая часть выборки принадлежит к состоятельным городским семьям). Авторы заключают, что исторические социальные представления связаны скорее с декларируемыми конструктами и психологическими тенденциями, обусловленными национализмом, чем с более глубоко усвоенными культурными ценностями (Hilton, Liu, 2000; Hofstede, 2001).

А. Ненчини исследовал временную устойчивость социально-исторических представлений, выявленных по методике Лью – Паеза, сравнивая три теоретических интерпретации относительно специфического содержания. В течение 3 лет итальянцев трех поколений опрашивали относительно социальных представлений об итальянской истории. Полученные списки 5 наиболее важных событий и значимых лиц в итальянской истории отразили преобладание «начальных» моментов, что интерпретируется как этногенетически структурированное представление национальной истории. Межпоколенное сравнение респондентов показало, что ядро представления (высокоранговые высокочастотные упоминания) стабильно во времени, но метаконтрастная область представления (низкочастотные элементы на первых позициях) состоит из поколенчески значимых событий и лиц, популярных во время становления взрослости респондента. Среди современных событий/персонажей очень немногие входят в метаконтрастную область, что могло бы обеспечить их дальнейшее включение в ядро представления (Nencini, 2011).

Исключительно интересным опытом изучения образов исторических событий путем оценки современных им исторических артефактов является исследование Е.Ю. Артемьевой. Артемьева (1999), выделив три уровня субъективного образа мира (модальный – сенсорно-перцептивное отражение; семантический – следы взаимодействия с объектами в виде субъективных, в том числе, оценочных отношений; амодальный – абстрактное мышление), предположила возможность «конструктивного восстановления» объектов одной системы знаний через другую на основании семантического единства объектов материальной культуры. Гипотеза гласила о том, что памятники культуры, будучи результатами человеческого труда, аккумулируют в себе семантические свойства переживания периода их создания автором и современниками, и эти свойства могут быть выявлены в семантическом эксперименте. Были сопоставлены семантические оценки мемориальных архитектурных сооружений и соответствующих мемориальному замыслу событий. Испытуемые, хорошо знакомые с историей Заонежья XVII–XIX веков и архитектурными ансамблями Кижей и Кондопоги, оценивали по семантическому дифференциалу исторические события: победу над шведами в Северной войне 1712 года; события XVII–XIX веков в Заонежье; подавление Кижского восстания (1769–1771 годы); восстание государственных крестьян, приписанных к Олонецким горным заводам; фотографические изображения Преображенской церкви в Кижях (1714 год: по преданию, план для нее собственноручно начертил Петр I), ансамбля Кижей в целом (XVII–XIX века) и Успенского собора в Кондопоге (1774 год, построен в память жертв подавления Кижского восстания). Для контроля интерференции исторические и архитектурные стимулы оценивали в разные дни. Результаты соответствовали общепринятой событийной атрибуции рассмотренных памятников (Артемьева, 1999; Брюсова, 1972). В этом же исследовании было показано, что семантический код оценки орудий труда (фотографии древних

зубил Среднего периода острова Пасхи и современных стамесок) связаны с субъективной оценкой респондентами темпа жизни в соответствующие периоды.

Артемьева утверждает, что «семантическое единство мира не только может быть прямо подтверждено экспериментом, но и допускает прямое использование следствий из факта своего существования для прикладных целей – событийной атрибуции памятников, решения ряда задач истории труда и материальной культуры» (Артемьева, 1999, с. 120).

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ

Историко-психологические исследования авторских текстов сталкиваются с необходимостью учета конфаундеров нескольких уровней. Прежде всего, это авторская точка зрения, которая в случае исторической необъективности может быть следствием специфического личностного опыта, выражением массовых или специфичных для большой или узкой социальной группы стереотипов, этических и эстетических норм, результатом добросовестного изложения точки зрения другого человека, искаженной под влиянием тех или иных социокультурных факторов, ошибок перевода и интерпретации, а также следствием лакун и повреждений исходного текста, которые, в свою очередь, могут быть следствием целенаправленного воздействия, и, следовательно, носить тенденциозный характер. Авторский текст находится под влиянием этических и стилистических нормативов своего времени, и одной из характерных черт исторического текста является редкость ссылок на психическое. «Не следует думать, – пишет Д.С. Лихачев, – что древнерусский автор XI–XIII вв. потому только не изображал в летописи психологию людей, их внутреннюю жизнь, что он не знал этой психологии, не видел этой внутренней жизни или “не умел” их изобразить» (цит. по: Кривцун, 1998, с. 345). Аналогичный эффект отмечает Л.М. Баткин на материале мемуаров итальянского Возрождения (XIV–XV века): «Индивидуализм семейного хрониста лишен внутреннего мира... Индивид... целиком овнешнен»

(Баткин, 1989, с. 93). Таким образом, анализ возможен на поведенческом и каузальном уровнях.

Дополнительные проблемы возникают при попытках историко-психологического исследования произведений художественного творчества, несмотря на обширность материалов, которыми располагает история искусства, и заманчивость включения их в анализ.

Одной из проблем историко-психологического исследования материалов истории искусства является возможность оценки ментальности общества на основании «шедевров, классических творений, ставших вехами в духовной истории человечества» (Кривцун, 1998, с. 343–344). О.А. Кривцун указывает, что для анализа базовых ментальных установок представителей среднего и низшего классов, не знакомых с художественными шедеврами эпохи, необходимо исследование специфичных для них форм повседневной художественной самореализации. При этом знания общих факторов потенциального взаимовлияния психологии и искусства недостаточно: «Как правило, прямого перетекания художественных характеристик в психологические и наоборот в истории культуры почти не присутствует» (там же, с. 344). Человеческий характер выступает в произведениях искусства двояко: внешне, в авторской трактовке, и латентно, что допускает возможность реконструкции по косвенным деталям, композиции произведения и т.д. Кривцун предлагает метод художественно-стилистического анализа, направленный на выявление по образу прообраза, по детали – целого, по авторской интонации – подстрочных смыслов и имплицитных мотивов. Другим приемом является воссоздание психологического облика читателя/зрителя, на которого было рассчитано данное произведение. Так же, как и «новые историки», Кривцун отмечает целесообразность исследования психологических явлений на протяжении большой исторической длительности и предлагает в качестве единицы анализа понятие художественного стиля как знака

особого эмоционально-образного строя и целостных социально-психологических состояний.

Применение реконструктивных методов (как методов материальной реконструкции, так и герменевтического анализа текста) не снимают проблемы разрывности социокультурного контекста между человеком прошлого и современным интерпретатором. На основании материальных реконструкций мы не можем судить о мотивах и мотивациях людей, затевающих дуэль (равно как об их ожиданиях относительно установок противника и исходе поединка), в частности, поскольку институт дуэли (поединка один на один), как любой социальный институт, имеющий долгую традицию, на этапах формирования, расцвета и деградации существовал в различных социальных условиях и, соответственно, имел различные функции, задачи, предписания, ограничения, цену.

Равно при герменевтическом подходе утрата контекста затрудняет интерпретацию текстов, независимо от позиции, которую принимает исследователь. Стратегия избегания интерпретаций, выбранная ради научной добросовестности, в свою очередь, порождает интерпретации, примеры чему находятся даже в издании «Застольных бесед» Плутарха серии «Литературные памятники» (Плутарх, 1990). Так, спартанец, убедившись, что не удастся поставить прямо убитого, говорит: «Для этого надо, чтобы что-нибудь было у него внутри!» (там же, с. 327). Комментарий гласит: «Смысл изречения не понятен. По-видимому, Плутарх высмеивает бессмысленность попытки спартанца и недостаток его сообразительности» (Боровский и др., 1990, с. 553). Но если предположить, что спартанец имеет в виду душу, наделенную волей, то смысл фрагмента резко меняется. Спартанец, видя, как готовят баню для Алкивиада, говорит, что на него одного идет слишком много воды, как на какого-нибудь грязнулю (там же, с. 328). Примечание к тексту гласит: «Спартанцы мылись редко

и мало» (Боровский и др., 1990, с. 553). Но и Сципион Младший, избранный консулом в войне с нумантийцами, застав в римском лагере беспорядки и распушенность, среди мер по укреплению дисциплины запрещает омовения (см. Плутарх, 1990, с. 377). Если знать, что в античном мире существовало две традиции гигиенических процедур – с помощью скребка и масла – аттическая и с помощью горячей воды, заимствованная из Персии и связываемая с представлениями об изнеженности и роскоши, то оба фрагмента получают смысл критики иностранного влияния и призыва к «возврату к корням», нормам бытовой простоты и демократии. (Проясняется и смысл объединения омовений с литературой и музыкой в римских термах.)

Лишь косвенно затрагивая историка, для которого данный фрагмент не является носителем исторически значимого содержания в классическом понимании, и чье дело здесь корректный перевод, эта проблема всем «весом» ложится на исторического психолога-герменевта. Самым неприятным является то, что разрыв контекста не может надежно маркироваться даже чувством непонимания, поскольку наши ожидания относительно исследуемой эпохи подсказывают правдоподобную трактовку, достоверность которой остается вне внимания. Смещение результатов в силу фактора личности исследователя считается слабым местом дискурс-анализа как метода (Кожемякин, 2015).

Многообещающей для исследования культурной картины мира является эмоциональная нагруженность и модальная универсальность архетипов по К.-Г. Юнгу (Юнг, 1996). Представленность архетипа, как в вербальных, так и в визуальных культурных продуктах позволяет расширить источниковую и методическую базу исследования с применением, как интерпретативных, так и проективных методов анализа и сличением результатов. Амбивалентным, с точки зрения организации исследования, качеством является внекультурность и общепонятность архетипов, которая, с одной стороны, делает близкими и

интересными для современного зрителя произведения искусства прошлых веков или отдаленных культур, с другой, – вносит риск ошибочных интерпретаций и атрибуции образам изначально не вкладывавшегося в них смысла (статуи Изида с младенцем Гором, часто принимавшиеся в ранние средние века за изображения девы Марии, являясь выражением вечного образа Матери, все же не относятся к христианской культурной традиции). Следует также учитывать фактор близости культурного кода и художественного языка творца и рецепиента; так, изображение Сиуакоатль (Тонацин), богини-матери индейцев Центральной Америки, в виде молодой женщины с ребенком на руках и черепом вместо головы (Мифологический словарь, 1992, с. 503) вряд ли продолжило бы ряд материнских образов с точки зрения современного европейца.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрены наиболее широко используемые методы изучения психических феноменов культур прошлого, разработанные в рамках исторической психологии, общей и социальной психологии, а также истории и культурной антропологии. Методологическая мысль может двигаться в направлении описания культурно специфичных или общих для разных культур феноменов сознания, а также выделения культурно специфичных или общих для разных культур критериев оценки ментальности, образной структуры, ценностных ориентаций или характеристик личностной репрезентации. Рассмотрены некоторые методологические проблемы и результаты контроля смещений.

На основании анализа сделаны следующие выводы, имеющие практическую ценность для организации научного исследования:

- 1) При применении любого метода или методики в формате историко-психологического исследования присутствуют элементы герменевтики – вживание и интерпретация. Исследователь либо реализует их сам, либо

делегирует группе испытуемых, работающей в режиме «псевдоочевидцев» (mock witness).

2) Групповая организация работы нивелирует смещение индивидуального уровня, но фиксирует смещение культурного уровня, отражая, как реальные объективные различия между культурами исследователя и исследуемого, так и стереотипные представления, возможно ложные, существующие в культуре исследователя относительно культуры исследуемого.

3) С этой точки зрения, большую достоверность результатов может обеспечить не интерпретация смыслов историко-культурного текста как такового, а воссоздание психологического облика читателя/зрителя, на которого было рассчитано данное произведение, по О.А. Кривцуну.

4) Более надежным с точки зрения контроля смещений представляется этик-подход, т.е. сравнительно-культурный подход.

5) Целесообразным представляется анализ больших временных отрезков, согласно методологии «новой истории».

6) По-видимому, перспективным является применение методов кросс-культурной психологии, ориентированных на оценку ценностных ориентаций, поведенческих проявлений и личностных характеристик социально репрезентативного уровня.

7) Интересным приемом может быть параллельный анализ вербальных и визуальных культурных продуктов.

Литература

Артемяева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики / Под ред. И.Б. Ханиной. М.: Наука; Смысл, 1999.

Барская А.Д. Психолого-историческая реконструкция особенностей психики гомеровского человека. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1998.

Барская А.Д. Возможности метода психолого-исторической реконструкции при воссоздании психики человека времен античности. URL:

<http://psychology.ru/lomonosov/tesises/ei.htm> (Дата обращения: 10.02.2018).

Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989.

Баткин Л.М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М.: Наука, 1989.

Белявский И.Г. Историческая психология. Одесса: Одесский государственный ун-т, 1991.

Боброва Е.Ю. Основы исторической психологии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997.

Большой психологический словарь / 4-е изд.; сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. М.: ФСТ: АСТ МОСКВА; СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009.

Борисенкова А. Герменевтические проекты в социологии (на примере работ Ю. Хабермаса и П. Рикера) // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 2. С. 39–49.

Боровский Я.М. и др. Примечания // Плутарх. Застольные беседы. Л.: Наука, 1990.

Брюсова В.Г. По Олонецкой земле. М.: Искусство, 1972.

Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988.

Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии / Сост. и общ. ред. А.И. Куркчи. М.: ДИ-ДИК, 1996.

Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: Индрик, 1993.

Гуревич А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы. Вып. 1. М., 1989. С. 75–89.

Еникеев М.И. Психологический энциклопедический словарь. М.: ТК Велби, Проспект, 2009.

Забаяев И.В. Логика анализа данных в обоснованной теории (grounded theory): версия Б. Глезера // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2011. № 32. С. 124–142.

Зинченко В.П., Мамардашвили М.К. Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. 1977. № 7.

Зубкова Е.Ю., Куприянов А.Ю. Ментальное измерение истории: поиски метода // Вопросы истории. 1995. № 7. С. 155.

Историогенез и современное состояние российского менталитета / Отв. ред. В.А. Кольцова, Е.В. Харитоновна М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

Историческая психология: предмет, структура и методы: Учеб. пособие / Под. ред. А.А. Королева. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2004.

Кожемякин Е.А. Дискурс-анализ как междисциплинарный проект: между методом и идеологией // Научные ведомости. Сер. «Гуманитарные науки». 2015. № 6 (203). Вып. 25. С. 5–12.

Кольцова В.А. Историческая психология // Психология: Учебник для гуманитарных вузов / Под ред. В.Н. Дружинина. СПб., 2001. С. 507–524.

Кольцова В.А. История психологии: проблемы методологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Кон И. История в системе общественных наук // Философия и методология истории. Сборник статей / Ред. И.С. Кон; пер. с англ., нем., фр. Ю.А. Асеева. М.: «Прогресс», 1977.

Коньков Д.С. Дихотомия дружбы и вражды в римско-вестготских отношениях как стратегия этносоциальной адаптации: Торисмунд и Теодорих II // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 374. С. 102–106.

Королев А.А. Историческая психология как интегральная отрасль обществознания. Некоторые вопросы методологии (взгляд историка) // Историческая психология: предмет, структура и методы: Учебное пособие / Под. ред. А.А. Королева. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2004. С. 65–88.

Кривцун О.А. Эстетика. Учебник. М.: Аспект Пресс, 1998.

Луков В.А., Луков В.А. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М., 2008.

Митина О., Петренко В. Психосемантический анализ динамики качества жизни россиян // Общественные науки и современность. 1995. № 5. С. 103–115.

Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Большая Российская энциклопедия, 1992.

Нишанов В.К. Феномен понимания: когнитивный анализ. Фрунзе: Илим, 1990.

Петренко В.Ф., Митина О.В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания (на материале политического менталитета). Смоленск: Изд-во СГУ, 1997.

Петренко В.Ф., Митина О.В. Психосемантическая реконструкция представлений о прошлом // Историческая психология и социология истории. 2011. № 2. С. 151–178.

Плутарх. Застольные беседы. Л.: Наука, 1990.

Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского / 2-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1990.

Ретина Л.П. Социальная память и историческая культура: от античности к новому

времени // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 7. М., 2001. С. 6–7.

Русакова О.Ф. Методологические стратегии в современных исторических исследованиях: школа «Анналов» и «новая интеллектуальная история» // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2001. № 2. с. 17–48.

Серавин А.И. Метод «палеopsихологической реконструкции». Психология XXI века: Тезисы Международной межвузовской научно-практической студенческой конференции «Психология XXI века» / Под ред. А.А. Крылова. СПб.: Изд-во СПб у-та, 2000. С. 55–56.

Серавин А.И. Занимательная историческая психология средневековья. URL: <http://olmer.ru/rpg/stat/seravin/3.shtml> (Дата обращения: 06.02.2018).

Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник / Науч. ред. и сост. И.П. Ильин, Е.А. Цурганова. М.: Интрада, 1999.

Спицына Л.В. Историко-психологическая реконструкция становления норм и способов общения в советском обществе в послереволюционный период, 10–20-е годы XX столетия: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1994.

Степанов Ю.С. Концепт // Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 40–76.

Тезаурусный анализ мировой культуры: Сборник научных трудов. Вып. 23 / Под общ. ред. В.А. Лукова. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2012.

Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991.

Шалак В.А. Историческая психология как метод очеловечивания истории // Психология в экономике и управлении. 2009. № 2. С. 107–110.

Шкуратов В.А. Историческая психология. М., 1997.

Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996.

Hilton D.J., Liu J.H. History as the narrative of a people: From function to structure and content // Memory Studies Vol. 10. № 3. P. 297–309.

Hofstede G. Culture's recent consequences: using dimension scores in theory and research // International Journal of Cross-Cultural Management. 2001. Vol. 1 № 1. P. 11–17.

Liu J.H. Narratives and Social Memory from the Perspective of Social Representations of History // Narratives and Social Memory: Theoretical and Methodological Approaches / Eds. R. Cabecinhas, & L. Abadia. Lisbon, Portugal: Instituto da cooperação portuguesa, 2013. P. 11–24.

Liu J.H., Goldstein-Hawes R.H., Hilton D. et al. Social representations of events and people in world history across 12 cultures // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2005. Vol. 36. № 2. P. 171–191.

Liu J.H., Paez D., Slawuta P. et al. Representing World History in the 21st Century: The Impact of 9/11, the Iraq War, and the Nation-State on Dynamics of Collective Remembering // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2009. Vol. 40. № 4. P. 667–692.

Liu J.H., Paez D., Hanke K., Rosa A., Hilton D.J., Sibley C.G., Cabecinhas R., Zaromb F., Garber I.E., Chan-hoong Leong, Moloney G., Valchev V. Cross-cultural dimensions of meaning in the evaluation of events in world history? Perceptions of historical calamities and progress in cross-cultural data from 30 societies // *Journal of Cross-cultural Psychology*. 2012. Vol. 43. № 2. P. 251–272.

Liu J.H., Sibley C.G. From Ordinal Representations to Representational Profiles: A Primer for Describing and Modelling Social Representations of History // *Papers on Social Representations*. 2013. Vol. 22. № 5. P. 1–5.

Nencini A. Social representations of national history: Stability and changeability between different generations of Italians over a period of three years // *Societal and Political Psychology International Review*. 2011. № 2(1). P. 111–126.

Pennebaker J.W., Paez D., Deschamps J.C. The social psychology of history: Defining the most important events of the last 10, 100, and 1000 years // *Psicologia Politica*. 2006. № 32. P. 15–32.

Rokeach M. The nature of human values. N.Y.: Free Press, 1973.

Taylor S. Asymmetrical effects of Positive and Negative Events: the Mobilization-minimization hypothesis // *Psychological Bulletin*. 1991. № 110. P. 67–85.

METHODS OF HISTORICAL-PSYCHOLOGICAL RESEARCH

A. Danilova*

**Senior Researcher VINITI, Moscow, Russia*

Annotation. The most widely used methods of studying the psychic phenomena of the cultures of past, developed within the framework of historical psychology, general and social psychology, as well as history and cultural anthropology, are considered. Methodological thought can move in the direction of describing culturally specific or cultural phenomena common to different cultures, as well as demarcating culturally specific or common criteria for different cultures to assess mentality,

figurative structure, value orientations, or characteristics of personal representation. Some methodological problems and results of displacement control are considered.

Keywords: historical psychology, methodology, hermeneutics, psychosemantics